

УЧЕНИЕ КАНТА О ПРОСТРАНСТВѢ.*)

(Разъясненіе и критика).

Критическій взглядъ часто прославляли за скромность, но при такой скромности наукъ скоро пришлось-бы ходить съ сумой по міру.

Тренделенбургъ.

2. Созерцательный характеръ (интуитивность) нашего знанія о пространствѣ.

Доселѣ Кантъ доказывалъ, что наше „представленіе“ о пространствѣ имѣеть характеръ знанія первоначальнаго и необходимаго (апріорнаго). Но терминъ „представленіе“ какъ вообще, такъ въ частности и у Канта, имѣеть слишкомъ растяжимый смыслъ (у Канта этимъ словомъ обозначаются всѣ вообще теоретико-познавательныя состоянія души) и, очевидно, не всѣмъ „представленіямъ“ можетъ быть усвоенъ характеръ первоначальности и необходимости. Отсюда для Канта возникла задача ближе опредѣлить тотъ *видъ* или *классъ* представленийъ, къ которымъ онъ относитъ наше знаніе о пространствѣ. Въ двухъ, стоящихъ у насъ теперь на очереди, тезисахъ онъ это и дѣлаетъ. Онъ относитъ наше представленіе о пространствѣ къ классу представленийъ *интуитивныхъ* т. е. представленийъ наглядныхъ или созерцаній. Этимъ Кантъ думаетъ сообщить бѣльшую опредѣленность, законченность и прочность своимъ предыдущимъ доказательствамъ: ему нужно установить тезисъ, что пространство есть не эмпирическое, но апріорное представленіе и, такъ какъ о дискурсивномъ понятіи этого доказать нельзя, то онъ и спѣшитъ разъяснить здѣсь, что пространство не дискурсивное понятіе, но—наглядное пред-

*) *Окончаніе.* См. предыдущую книжку „Бог. Вѣстн“.

ставленіе или чистое созерцаніе. Это доказательство распадается опять таки на два аргумента, изложенныхъ въ тезисахъ третьемъ и четвертомъ. Тезисъ третій читается такъ:

„Пространство есть не дискурсивное или, какъ говорятъ, всеобщее понятіе объ отношеніяхъ вещей вообще, но чистое созерцаніе. Ибо, во-первыхъ. можно представить себѣ лишь одно единственное пространство, а когда говорятъ о многихъ пространствахъ, то подъ этимъ разумѣютъ лишь части одного и того-же всеединого пространства. И эти части не могутъ предшествовать единому всеобъемлющему пространству, въ качествѣ его составныхъ частей (изъ которыхъ можно было-бы его составить), но мыслятся лишь въ немъ. Оно существенно едино, множественное-же дано въ немъ, а слѣдовательно и общее понятіе о пространствахъ вообще основывается на его ограниченіяхъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ основаніи всѣхъ понятій о пространствѣ лежитъ созерцаніе а priori, которое не эмпирично“.

Въ приведенномъ доказательствѣ Канта можно различать четыре момента: доказываемое положеніе; два аргумента и заключеніе.

Предметомъ доказательства (*objectum probationis*) служитъ положеніе: „пространство есть не дискурсивное понятіе, но чистое созерцаніе“. Это противоположеніе понятія наглядному представленію (созерцанію), это „не—но“ (противоположеніе, проводимое со всею рѣшительностію и рѣзкостію въ „Логикѣ“ Канта и возводимое тамъ въ принципъ) есть одна изъ крупныхъ ошибокъ Кантовской теоріи знанія, въ которой сказалась коренная односторонность его формалистической психологіи. По мѣткому выраженію проф. А. А. Козлова ¹⁾, Кантъ „разгородилъ“ наше познаніе непреходимыми рубежами,—раздѣлилъ его на чувственность, разумъ и разумъ и запретилъ себѣ и другимъ переходъ изъ одной области въ другую. Отсюда у него и оказались, съ одной стороны, созерцанія или воззрѣнія, исключаютія всякую логическую переработку въ понятія; съ другой—понятія, не реализуемая въ наглядныхъ представленіяхъ, совершенно формальныя (категоріи); наконецъ—идеи, не допускающія рациональнаго обоснованія. Но такое рѣзкое разграниченіе гносеологическихъ формъ научно оправдано быть не можетъ. Мы оставимъ въ сторонѣ *идеи*, которыя пасъ въ данномъ случаѣ касаться не могутъ и всмотримся

¹⁾ Проф. А. А. Козловъ: „Генезисъ“ etc., стр. 189, слѣд.

ближе во взаимно-отношеніе наглядныхъ представленій (созерцаній) и понятій. Что общее, отвлеченное понятіе отличается отъ частнаго, конкретнаго созерцанія,—это, конечно, не подлежитъ нисколько сомнѣнію: во-первыхъ, въ понятіи отрицаются („отвлекаются“) всѣ индивидуальныя черты частнаго, конкретнаго созерцанія; во-вторыхъ, оно всегда сопровождается сознаніемъ, что оно есть гносеологическая форма, общая многимъ частнымъ представленіямъ. Но это не даетъ еще основанія совершенно разрывать разсматриваемыя гносеологическія формы и противопоставлять ихъ одну другой, какъ полныя противоположности. Во-первыхъ, все положительное, позитивное въ содержаніи какъ вообще всего нашего познанія, такъ въ частности и въ нашихъ понятіяхъ дается созерцаніемъ. Даже самое отрицаніе индивидуальныхъ элементовъ частнаго созерцанія въ понятіи имѣетъ положительную, созерцаемую сторону,—именно созерцаніе умственнаго акта устраненія изъ сознанія нѣкотораго положительнаго содержанія мысли. Слѣдовательно, и въ понятіи все еще остается нѣкоторый созерцательный элементъ и если-бы его не было, то не было-бы и самаго понятія. Даже понятіе о „ничто“ осуществляется именно этимъ способомъ: оно становится понятіемъ лишь потому, что содержаніемъ для него служитъ мысленное устраненіе нѣкотораго положительнаго нѣчто. Во-вторыхъ, понятіе не только удерживаетъ въ себѣ созерцательный элементъ, но въ нѣкоторомъ смыслѣ само можетъ быть названо единичнымъ созерцаніемъ, стремится преобразоваться въ него. Пока положительный элементъ въ понятіи (т. е. созерцаемый) я мыслю многократно или повторно, пока я не высился еще надъ процессомъ сравненія и безпокойно перехожу отъ одного частнаго созерцанія къ другому, стараясь уловить имъ общее,—до тѣхъ поръ у меня еще нѣтъ понятія, какъ готовой гносеологической формы: я только на пути къ выработкѣ его. Лишь послѣ того, какъ я солью множественность сходныхъ элементовъ частныхъ созерцаній въ одно численное тожество и овладѣю имъ какъ единичнымъ, частнымъ и обособленнымъ созерцаніемъ,—лишь послѣ этого я могу сказать, что выработалъ опредѣленное и законченное понятіе. Теперь эта упраздненная понятіемъ множественность единичныхъ созерцаній отражается лишь въ

сопровождающемъ понятіе сознаніи, что это, прибрѣтенное такимъ образомъ, отвлеченное общее созерцаніе можно найти въ каждомъ изъ тѣхъ единичныхъ созерцаній, отъ которыхъ я исходилъ при установкѣ своего понятія. Такимъ именно образомъ я и получаю возможность разсматривать это частное понятіе, какъ понятіе всеобщее т. е. общее всѣмъ сходнымъ созерцаніямъ, всему неопредѣленному множеству ихъ. Но если такимъ образомъ нѣтъ понятія безъ созерцательнаго элемента, то, съ другой стороны, нѣтъ и созерцанія или нагляднаго представленія, въ которое-бы въ большей или меньшей степени не вплетались интеллектуальные или логическіе элементы (сознательно или безсознательно): это одинъ изъ прочно установленныхъ тезисовъ современной психологіи. Съ этой точки зрѣнія мы должны признать, что между созерцаніемъ и понятіемъ не только нѣтъ противоположности, но что напротивъ они имѣютъ нѣчто общее и именно стоятъ въ одинаковой противоположности къ матеріалу ощущенія: созерцаніе есть понятіе на низшей ступени отвлеченія, а понятіе на высшей. Чѣмъ дальше мы удаляемся отъ грубаго матеріала ощущенія, тѣмъ болѣе сказывается участіе логической переработки и тѣмъ меньше остается мѣста „матеріи ощущенія“. Совершенно исчезнуть изъ познанія, однако, ни тотъ ни другой элементъ (ни созерцательный, ни логическій) не могутъ. Такъ называемыхъ чистыхъ т. е. свободныхъ отъ всякаго созерцательнаго элемента понятій нѣтъ: такъ называются обыкновенно лишь тѣ понятія, изъ которыхъ настолько вытѣсненъ всякій созерцательный элементъ, что остается *какъ будто*-бы лишь одна форма („какъ будто“, но—не на самомъ дѣлѣ) ¹⁾.

Итакъ, вопреки Канту, созерцаніе (наглядное представленіе) и понятіе не суть абсолютно противоположныя формы знанія, такъ что одно и то же содержаніе мысли можетъ быть и созерцаніемъ и понятіемъ. Но, быть можетъ, наше знаніе о пространствѣ стоитъ въ данномъ случаѣ въ исключительныхъ условіяхъ? Быть можетъ, оно, именно какъ

¹⁾ Если понятіе слишкомъ отвлеченно, то на помощь бессильному, въ данномъ случаѣ, созерцанію приходитъ *символика* (семіотика), которая помогаетъ мышленію знаками или схемами.

утверждаетъ Кантъ, можетъ быть только созерцаніемъ, но никакъ не можетъ выразиться въ формѣ понятія? Разсмотримъ аргументы, приводимые Кантомъ въ пользу этого его тезиса.

Смысль перваго доказательства („ибо... всеединого пространства“), приводимаго Кантомъ въ пользу его тезиса, кратко можетъ быть выражень такъ: „Пространство есть нѣчто единственное—unicum: существуетъ лишь одно единственное пространство, а не многія; вслѣдствіе этого, о пространствѣ, какъ и о всякомъ единичномъ существѣ или индивидуумѣ, возможно лишь знаніе въ формѣ нагляднаго представленія или созерцанія (*singularis representatio*), а не въ формѣ понятія, которое къ единичнымъ существамъ не приложимо“ (Файгингеръ, II, 211). Что пространство есть нѣчто единственное, unicum,—это вѣрно, хотя это положеніе въ устахъ Канта, какъ трансцендентальнаго идеалиста, звучитъ нѣсколько странно. Въ самомъ дѣлѣ, когда реалистъ называетъ пространство единымъ и единственнымъ, то это понятно: ибо, хотя-бы въ его сознаніи и оказалась раздвоенность пространства (какъ, наприм., это бываетъ на первыхъ порахъ у оперированныхъ слѣпцовъ, у которыхъ пространство осязательное не вполне покрывается зрительнымъ), однако, реалистъ всегда можетъ повѣрить свое искаженное представленіе о пространствѣ по его объективному корреляту и исправить. Но вѣдь трансцендентальный идеалистъ считаетъ пространство нашимъ субъективнымъ продуктомъ, такъ что съ его точки зрѣнія, „сколько головъ, столько и пространствъ“: какъ-же послѣ этого онъ можетъ говорить объ одномъ, единственномъ пространствѣ? Чтобы получить это право, трансцендентальному идеалисту необходимо перейти или на точку зрѣнія реалиста или солипсиста.—Но оставимъ въ сторонѣ эту тонкость и допустимъ, что и Кантъ имѣлъ съ своей точки зрѣнія право говорить о пространствѣ, какъ о нѣкоторомъ unicum: что-же, давало-ли это ему право признать наше знаніе о пространствѣ созерцаніемъ? Отнюдь нѣтъ. Возьмемъ аналогичное понятіе—понятіе вселенной. Это несомнѣнно есть нѣчто единственное; но такъ-же несомнѣнно съ другой стороны, что о вселенной мы можемъ образовать понятіе. Подобнымъ-же образомъ и о пространствѣ, хотя оно есть нѣчто въ своемъ родѣ единственное, мы мо-

жемъ образовать понятіе. Мы видѣли уже, какой процессъ при этомъ происходитъ въ нашей душѣ. Изъ частныхъ пространственныхъ опредѣленій (протяженій) путемъ ихъ сочетанія, мы построеваемъ нѣкоторое общее *комбинаціонное понятіе* пространства, какъ единого всеобъемлющаго цѣлаго, и такъ какъ, при образованіи понятія объ этомъ всеобъемлющемъ пространствѣ, мы, такъ сказать, издерживаемъ весь строительный матеріалъ т. е. всѣ частныя понятія отдѣльныхъ протяженій: то тѣмъ самымъ уже заранее исключается возможность построенія другаго пространства, исключается просто потому, что я сознаю, что весь матеріалъ я издержалъ на выполненный уже мною синтезъ пространства. Такимъ образомъ, единичный характеръ пространства, вопреки Канту, нисколько не лишаетъ насъ возможности мыслить о немъ въ формѣ понятія,—наприм., какъ о совокупности или синтезѣ частныхъ пространственныхъ опредѣленій т. е. протяженій (при чемъ мы не впадаемъ ни въ какой кругъ, такъ какъ частныя опредѣленія пространства или протяженія намъ извѣстны раньше образованнаго изъ нихъ, какъ строительнаго матеріала, единого пространства). Если въ пространствѣ есть части (а это признаетъ Кантъ), то ничто не мѣшаетъ намъ составить о немъ понятіе, какъ „о совокупности своихъ частей“.

Кантъ, однако, предвидитъ это возраженіе и даетъ на него отвѣтъ во второмъ доказательствѣ своего тезиса („и эти части... ограниченія“). Ходъ мыслей въ занимающемъ насъ теперь отрывкѣ Файгингеръ выясняетъ такимъ образомъ. Канту предносится возраженіе, которое можетъ вызвать его первый аргументъ. „Ты сказалъ, — могли замѣтить Канту на его первый аргументъ, — что отдѣльныя пространства суть части единого пространства; но этимъ ты допускаешь, что пространство какъ-бы сложено или составлено изъ этихъ своихъ частей, такъ что эти части предшествуютъ представленію единого пространства, слѣдовательно представленіе о пространствѣ есть лишь агрегатъ отдѣльныхъ представленій объ этихъ многихъ пространствахъ“¹⁾. На это-то возраженіе Кантъ и отвѣчаетъ въ сво-

¹⁾ *Файгингеръ* II, 215—6.

емъ дополнительномъ аргументѣ: конечно, —такова его мысль, —пространство имѣеть части; но нельзя представлять себѣ, будто единое пространство составлено изъ этихъ частныхъ пространствъ. Наоборотъ, самыя эти частныя пространства возможны лишь въ томъ всеобщемъ пространствѣ: ибо пространство „существенно едино“ т. е. просто, однородно и внутренне связано, и если говорить о многихъ пространствахъ, то отнюдь не слѣдуетъ забывать, что представленіе о нихъ возможно лишь путемъ ограниченія единого всеобъемлющаго пространства. Не пространство, слѣдовательно, возникаетъ изъ своихъ частей, но наоборотъ, самыя эти части возникаютъ чрезъ ограниченіе единого пространства, такъ что единое пространство есть нѣчто данное, а частныя пространства—нѣчто вторичное, образуемое нами изъ этого даннаго первичнаго пространства. Такимъ образомъ, пространство не есть какое-то какъ-бы мозаичное образованіе, —какъ-бы какая-то общая ткань, сшитая изъ отдѣльныхъ пространственныхъ лоскутковъ или обрывковъ пространства, не есть общій результатъ или итогъ частныхъ пространствъ. Части пространства даны не раньше его, но въ немъ. Подобно тому, какъ въ первомъ аргументѣ было сказано, что „единичныя явленія не предшествуютъ пространству, но представимы лишь чрезъ него и въ немъ“, такъ теперъ здѣсь разъясняется, что отдѣльныя части пространства даны не прежде его, но возможны лишь чрезъ него и въ немъ.

Такова аргументація Канта. Нужно удивляться и нельзя достаточно надивиться тому, какъ человекъ такого проницательнаго ума, какъ Кантъ, могъ связать судьбу своего тезиса со столь слабымъ и шаткимъ доводомъ, какъ только что изложенный. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить извѣстное различеніе традиціонной логики между объемомъ и содержаніемъ понятій. „Единое пространство, — аргументируетъ Кантъ, — содержитъ частныя пространства въ себѣ (а не подъ собою, — ср. слѣд. тезисъ) и потому оно есть представленіе, а не понятіе“. Но въдѣ и понятіе дерева содержитъ въ себѣ (т. е. въ своемъ объемѣ) понятія березы, ели, сосны и т. д., этой березы, этой ели и т. д., содержась въ то же время и само въ качествѣ ихъ родоваго признака въ нихъ (т. е. въ со-

держаніи каждаго частнаго понятія о томъ или другомъ деревѣ). Совершенно тоже самое можно сказать и въ данномъ случаѣ, относительно пространства: единое пространство содержитъ въ себѣ (т. е. въ своемъ объемѣ) частныя пространства, въ тоже время само, своимъ содержаніемъ, входя въ качествѣ общаго или родоваго признака въ каждое понятіе о частномъ пространствѣ или протяженіи. Такимъ образомъ ничего особеннаго, сравнительно съ другими понятіями, понятіе о пространствѣ въ данномъ отношеніи не представляетъ. Подобнымъ же образомъ и приемъ ограниченія, на который указываетъ Кантъ, какъ на спеціальную особенность понятія о пространствѣ, въ сущности есть обычный приемъ при раскрытіи и всѣхъ другихъ родовыхъ понятій. Напримѣръ, понятіе бытія мы постепенно ограничиваемъ посредствомъ присоединенія новыхъ признаковъ и такимъ образомъ превращаемъ въ понятія бытія: *реальнаго, матеріальнаго, ограниченнаго* и т. д.

На основаніи сказаннаго, вопреки заключенію Канта („отсюда слѣдуетъ... эмпирично“), по которому будто бы пространство есть чистое априорное созерцаніе, а не дискурсивное понятіе, слѣдуетъ признать, что *наше знаніе о пространствѣ можетъ принять любуюgnoseлогическую форму*: можетъ быть и созерцаніемъ или нагляднымъ представленіемъ (напримѣръ, у ребенка, который еще какъ бы погруженъ въ созерцаемое имъ пространственное бытіе, а вѣроятно такъ же и у животнаго), и представленіемъ, (когда человекъ, сознавъ себя довольно отчетливо, противопоставляетъ себѣ,—*ставитъ предъ собою, „представляетъ“*,—пространственную внѣшность), и понятіемъ (когда наглядный или эмпирическій элементъ въ нашемъ познаніи о пространствѣ какъ бы отступаетъ на задній планъ ¹⁾ и,

¹⁾ Утверждая, что пространство есть априорное *созерцаніе*, но не *дискурсивное понятіе*, Кантъ думаетъ, что, только благодаря такому характеру нашего знанія о пространствѣ, возможна геометрія, такъ какъ, — говоритъ онъ, — „геометрическія основоположенія, напримѣръ, что въ треугольникѣ двѣ стороны вмѣстѣ больше третьей никакъ не могутъ быть выведены съ аподиктической достовѣрностію изъ общихъ понятій о линіи и треугольникѣ, но—изъ созерцанія и именно априорнаго“ (конецъ 3-го тезиса). Въ противовѣсъ этому взгляду приведемъ здѣсь авторитетное сужденіе Вундта. Устанавливая въ своей *Логикѣ* математическое понятіе о пространствѣ, онъ

наконецъ, — идею (когда понятіе о пространствѣ входитъ въ сочетаніе съ идею безусловнаго и отъ нея заимствуетъ нѣкоторыя черты, — на примѣръ, признакъ безконечности). Очевидно, все здѣсь зависитъ отъ точки зрѣнія и отъ ступени нашего умственнаго развитія. Во всякомъ же случаѣ тезисъ Канта состоятельнымъ признанъ быть не можетъ.

Доселѣ Кантъ пытался установить интуитивный характеръ пространства, отправляясь отъ его единичности и единства. Теперь, проходя въ томъ же направленіи нѣсколько далѣе, онъ указываетъ, для подкрѣпленія своихъ доводовъ, новый признакъ того же порядка — безконечность пространства. Предшествующій аргументъ былъ построенъ по такой схемѣ: „понятіе имѣетъ свойства, которыхъ представленіе о пространствѣ не имѣетъ, слѣдовательно наше знаніе о пространствѣ не понятіе“. Теперь этотъ (четвертый и послѣдній) строится по такой схемѣ: „свойства которыя встрѣчаются только у созерцаній, но не у понятій, оказываются въ нашемъ знаніи о пространствѣ; слѣдовательно, оно есть созерцаніе“. Четвертый тезисъ читается такъ:

„Пространство представляется, какъ безконечная данная величина. Теперь, правда каждое понятіе должно мыслить какъ представленіе, содержащееся въ безконечномъ множествѣ различныхъ возможныхъ представленій (въ качествѣ ихъ общаго признака) и, слѣдовательно, содержащее ихъ подъ собою; но никакое понятіе, какъ такое, не можетъ быть мыслимо такъ, какъ будто-бы оно содержитъ безконечное множество представленій въ себѣ. Однако, пространство мыслится именно такъ (ибо всѣ части пространства до безконечности даны вмѣстѣ, разомъ). слѣдовательно, первоначальное представленіе о пространствѣ есть созерцаніе а priori, а не понятіе“.

резюмируетъ свой взглядъ такимъ образомъ: „Существеннѣйшее содержаніе сдѣланныхъ разъясненій можно соединить въ одно положеніе: *пространство есть постоянная, повсюду одинаковая (однородная) и въ себѣ замкнутая (in sich congruente) безконечная величина, въ которой неразложимое недѣлимое определяется тремя направленіями*. Возможность вполне опредѣлить такимъ образомъ понятіе пространства чрезъ общія понятія, — продолжаетъ Вундтъ, — ясно (unzweideutig) доказываетъ, что оно можетъ быть не только созерцаемо, но и *мыслимо въ понятіи (begrifflich gedacht)*. Но такъ какъ теперь пространство, какъ такое, поскольку мы его мыслимъ независимо отъ единичныхъ пространственныхъ представленій, можетъ быть мыслимо лишь въ этой формѣ т. е. въ формѣ понятія, то *чистое созерцаніе*, образующее предметъ геометріи, въ сущности есть не созерцаніе, но понятіе, въ которомъ мы отвлечаемся отъ особенныхъ свойствъ чувствен-

Аргументація Канта, не смотря на кажущуюся независимость его отдѣльныхъ доводовъ, развивается съ замѣчательною послѣдовательностію и вводитъ постепенно въ предметъ все глубже и глубже. Кантъ указалъ уже въ предыдущемъ тезисѣ на то, что пространство содержитъ свои части *вз* себѣ (какъ всякое созерцаніе), тогда какъ понятіе лишь *подъ* собою т. е. въ своемъ объемѣ. Но справедливо полагая, что въ той связи его доводъ не произведетъ должнаго дѣйствія, онъ снова обращается къ нему и пытается представить вопросъ въ иной, болѣе убѣдительною и значительною, формѣ. Вникнемъ еще разъ, — какъ бы такъ говорить онъ, — въ это важное различіе между представленіемъ (созерцаніемъ) и понятіемъ и мы откроемъ новый и весьма важный признакъ. Окажется, что пространство не только есть созерцаніе, но созерцаніе безконечнаго, — нѣкоторой безконечной данной величины. Безконечность пространства дана. Это фактъ. Его доказывать не нужно, какъ и всякій другой фактъ; но необходимо его индивидуализировать, уединить, выдѣлить изъ ряда другихъ фактовъ. Къ этому и ведетъ сопоставленіе созерцанія съ понятіемъ. Что говорить это сравненіе? Въ понятіи, именно въ его объемѣ, хотя тоже дана безконечность, но лишь въ возможности, — какъ возможность безконечнаго числа экземпляровъ того же рода. Въ представленіи же пространства безконечность, по Канту, осуществлена уже какъ дѣйствительность, какъ реальная и при томъ наглядно созерцаемая въ воображеніи въ каждый данный моментъ и вся разом совокупность или сумма безконченыхъ частей, безконечныхъ частныхъ пространствъ. Въ созерцаніи пространства безконечность дана, чего ни о какомъ понятіи сказать нельзя; слѣдовательно, пространство есть чистое созерцаніе, а не понятіе. Файгингеръ выражаетъ этотъ аргументъ Канта въ

ныхъ представленій, свойственныхъ не вѣмъ пространственнымъ предметамъ“ (изд. 2-е, т. I-й, стр. 505). Итакъ, пространство, по Вундту, не только *можетъ быть понятіемъ*, но, въ сущности, и въ основѣ самаго созерцанія анализъ открываетъ элементы повятія, такъ что дискурсивные процессы должны быть признаны основными при выработкѣ сложнаго конструктивнаго понятія о пространствѣ. — Это, впрочемъ, не обязываетъ насъ принимать формулу Вундта: сейчасъ мы увидимъ, что одинъ изъ введенныхъ въ нее терминовъ, — понятіе безконечной величины, — возбуждаетъ воз-
раженія.

формѣ слѣдующаго силлогизма (первый модусъ второй Аристотелевской фигуры—*Cesare*):

Большая посылка:

Никакое понятіе не имѣеть въ себѣ безконечнаго множества представленій.

Меньшая посылка:

Пространство имѣеть въ себѣ безконечное мвожество представленій.

Заключеніе:

Слѣдовательно, пространство не есть понятіе.

Таково зерно аргументаціи Канта. Если безконечность пространства дѣйствительно, какъ утверждаетъ Кантъ, дана, то этотъ фактъ должно засвидѣтельствовать для насъ наше сознание и никакія доказательства и силлогизмы къ его, завѣряемой нашимъ сознаниемъ, достовѣрности прибавить ничего не могутъ (они могутъ только индивидуализировать и уяснить его). Но что говорить намъ по данному вопросу наше сознание? Завѣряеть ли оно фактъ существованія пространства, какъ именно безконечной данной величины? Отнюдь нѣтъ. Оно говоритъ о чемъ-то иномъ и даже совершенно противоположномъ. Именно, оно говоритъ, что въ каждый данный моментъ мы представляемъ лишь конечную сферу пространства, границы которой опредѣляются наличнымъ матеріаломъ ощущенія,—подобно тому напимѣрь, какъ я вижу, когда смотрю вверхъ, пространство ограниченное лазурью небснаго свода. Такимъ образомъ, именно, какъ данная величина, пространство всегда конечно. Правда, я могу безостановочно раздвигать границы этого созерцаемаго мною въ воображеніи пространства; но этимъ путемъ я могу достигнуть лишь до отрицательнаго понятія о пространствѣ, какъ о чемъ-то для меня незаконченномъ,—именно могу понять, что во мнѣ нѣтъ препятствій для постояннаго мысленнаго расширенія пространства. Присоединяя это понятіе, какъ дополнительный признакъ, къ наглядному представленію конечнаго даннаго пространства, мы получаемъ нѣкоторую концепцію безконечнаго пространства, которое, однако, какъ и всякая безконечность, является чистою потенціальностію, т. е. содержитъ въ себѣ безконечное множество частичныхъ пространствъ лишь въ возможности,—точно такъ же, какъ понятіе без-

¹⁾ *Файлимеръ*, II, 242.

конечнаго ряда содержать въ себѣ безконечность возможныхъ или потенціальныхъ членовъ; понятіе безконечнаго числа—безконечную сумму единицъ, изъ которыхъ, однако, лишь нѣкоторая, всегда конечная часть, актуально вступаетъ въ сознаніе, другая же находится въ немъ лишь потенціально т. е. какъ возможность подстановки новыхъ членовъ къ данной конечной суммѣ ¹⁾). Ясно, что и безконечность пространства (т. е. безконечность въ понятіи, а не въ созерцаніи) отнюдь не есть безконечность данная. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что математики считаютъ понятіе безконечности лишь символомъ („безконечное число есть большее или меньшее всякаго даннаго числа“). Философы же идутъ еще дальше. Со временъ Локка они настойчиво указываютъ, что понятіе безконечнаго числа (ряда и пр.) есть самопротиворѣчивая фикція („сосчитанная безчисленность“, „опредѣленная безпредѣльность“, „безграничная ограниченность“ и т. д.) и указываютъ психологическій источникъ этой фикціи. Именно, по ихъ разъясненіямъ, фикція эта возникаетъ такимъ образомъ. Когда намъ дано какое-либо число, мы ясно сознаемъ что къ этому числу, какъ бы велико оно ни было, мы можемъ прибавить еще единицу т. е. счисленіе никогда не можетъ быть закончено. Это отрицательное понятіе незаконченности счисления мы переносимъ съ психологическаго процесса на его результатъ — число, незамѣтно превращая отрицательное понятіе „незаконченности“ въ положительное „безконечности“. Такимъ образомъ, рядомъ подтасовокъ, мы получаемъ фикцію, съ которою затѣмъ, забывая объ ея источникѣ, оперируемъ, какъ съ яснымъ понятіемъ. Воображе-

¹⁾ Но даже и эта потенціальная безконечность возможна лишь въ субъективному пространствѣ, гдѣ дѣйствительно ничто, кромѣ развѣ помраченія разсудка, не препятствуетъ поступательной работѣ нашей мысли, направленной на расширеніе границъ пространства. Но разъ мы вступаемъ въ область реального міра, то этому производству нашему полагается (или можетъ быть положенъ) предѣлъ. Извѣстно, что многіе выдающіеся мыслители различныхъ эпохъ и направлений, отъ Аристотеля до Гартмана, учили объ ограниченности міроваго пространства (оно есть форма бытія ограниченныхъ вещей, въ которыхъ и находятъ свою границу). Сводъ доказательствъ ограниченности міроваго пространства см. въ недавней превосходной статьѣ *Б. Н. Чичерина*. („Вопросы Философіи и Психологіи“, кн. 26: „Пространство и время“).

ніе овладѣваетъ этимъ фиктивнымъ понятіемъ безконечнаго числа и, поставляя его въ связь съ идеею протяженія или пространственной непрерывности, силится вообразить безконечное пространство, при чемъ за каждую данною протяженностію или мѣрою пространства ставитъ новое пространство и, такимъ образомъ, приходитъ къ постановкѣ „ложной“ т. е. не осуществленной и неосуществимой безконечности. Испытывая въ этихъ усиліяхъ своихъ постоянную и коренную неудачу, мы убѣждаемся въ неразуміи нашихъ усилій и въ нелѣпости самой задачи ¹⁾.

¹⁾ Въ ученіи о пространствѣ, какъ безконечной величинѣ, Кантъ примыкаетъ къ *Ньютону*, подъ влияніемъ котораго онъ стоялъ одно время (именно во второй періодъ своего развитія,—см. объ этомъ у А. А. *Козлова*, „Свое Слово“, № 4-й, стр. 116—7), но *ухудшаетъ* его ученіе. Именно, тогда какъ Ньютонъ признавалъ абсолютное пространство, какъ *понятіе* (абсолютное пространство, по Ньютону, есть „постулатъ понятности движенія“, априорное предположеніе механики). Кантъ призналъ пространство безконечною величиною, *данною въ созерцаніи*. Вотъ сущность разсужденій Ньютона по этому вопросу:

а) Движеніе не можетъ быть опредѣлено со стороны своего направленія, если мы не примемъ нѣкоторой неподвижной точки, относительно которой другую можно разсматривать какъ движущуюся. И такъ какъ такую неподвижную точку можетъ быть любая точка пространства, то все пространство неподвижно. Неподвижность или неизмѣнная пребываемость въ себѣ,—вотъ, слѣдовательно, первое опредѣленіе пространства, взятаго въ смыслѣ абсолютномъ.

б) Во-вторыхъ, математическіе законы движенія могутъ быть установлены лишь въ томъ случаѣ, если мы предположимъ, что среда движенія т. е. пространство, само по себѣ, не можетъ измѣнять формы движенія (т. е. не можетъ ни замедлять его, ни ускорять), если, говоря иначе, признаемъ законъ инерціи. Такимъ образомъ, однородность пространства,—вотъ второй постулатъ понятности движенія.

в) Наконецъ, въ-третьихъ, такъ какъ пространство неподвижно, то оно не можетъ имѣть границъ: вѣдь границы, какъ бы мы ни мыслили ихъ постановку, вносили бы въ пространство подвижность,—ихъ можно было бы отнести ближе и дальше т. е. раздвинуть или сѣзуть пространство (что противорѣчило бы первому тезису). Сверхъ того, ограниченіе пространства противорѣчитъ самому понятію о немъ: вѣдь оно должно служить для всего вмѣстилищемъ, налагать на все свои границы,—что же наложить границы на него самаго и какъ оно, по наложеніи этихъ границъ, могло бы служить для всего вмѣстилищемъ?

Итакъ,—заключалъ Ньютонъ,—*пространство неподвижно, однородно или неизмѣнно и безграницно. Оно, поэтому, можетъ быть названо абсолютнымъ*. См. у Рила, „Философскій Критицизмъ“ (Der. philos. Criticismus. II, 1, изложеніе взглядовъ Ньютона стр. 89 и сл.; критика понятія безконеч-

Итакъ, тотъ фактъ, въ которомъ сосредоточена вся доказательная сила четвертаго Кантовскаго тезиса (непосредственная данность пространства, какъ безконечной величины), оказывается фактомъ призрачнымъ. Само собою понятно, что вслѣдствіе этого и заключеніе тезиса („слѣдовательно... не понятіе“) падаетъ. Его не спасаетъ отъ этой судьбы и вводимое Кантомъ ограниченіе: „первоначальное представленіе“ (т. е. не позднѣйшее наше знаніе о пространствѣ, которое можетъ быть и понятіемъ, какъ на примѣръ, у философовъ, математиковъ и проч., а первоначальное, всѣмъ людямъ присущее, безсознательно заложенное въ ихъ духѣ,—ср. у Файгингера, II, 243): свойство первоначальнаго представленія, связаннаго съ фактомъ, должно-бы сохраняться и на позднѣйшихъ ступеняхъ развитія, чего, однако, мы не видимъ. При томъ, это ограниченіе не обличаетъ ли въ Кантѣ нѣкоторую неувѣренность въ своемъ тезисѣ, колебаніе? Въ концѣ аргументаціи читатель склоненъ ожидать чего-либо рѣшительнаго, опредѣленнаго и общаго. И вдругъ онъ встрѣчаетъ какую-то робкую оговорку, которая возвращаетъ его къ самому началу аргументаціи: невольно закрадывается подозрѣніе, что дѣло здѣсь обстоитъ не вполне благополучно...

3. Субъективность пространства.

Кантъ столь настойчиво доказываетъ первоначальность (апріорность) и созерцательный характеръ (интуитивность) пространства потому, что съ этими тезисами онъ ставитъ въ связь очень важный выводъ,—ученіе о субъективности пространства, т. е. о томъ, что объективно, въ дѣйствительности, въ бытіи ему ровно ничего не соотвѣтствуетъ или, говоря технически, что наше представленіе о пространствѣ не имѣетъ никакого объективнаго коррелята ¹⁾).

ности—182 и сл.; ср. у А. А. Козлова: „Свое слово“, № 4, 15—17). Кантъ замѣнилъ это *понятіе* объ абсолютномъ пространствѣ ученіемъ о его данности *въ созерцаніи* и это,—повторяемъ,—слѣдуетъ разсматривать, какъ рѣшительное ухудшеніе теории Ньютона...

¹⁾ Параграфъ 3-й, въ которомъ развитъ только что указанный тезисъ, содержитъ, кромѣ него, много и другихъ частныхъ мыслей, которыя при томъ связаны между собою иногда довольно слабою связью (вслѣдствіе чего, наприм., Файгингеръ въ своемъ „Комментаріи“ изслѣдуетъ составъ

Это, весьма важное для всей Кантовской системы, учение и изложено въ концѣ перваго отдѣла Трансцендентальной Эстетики. Въ этомъ ученіи два главныхъ момента: а) про-

этого параграфа по „абзацамъ“, какъ-бы не находя возможнымъ его систематизировать). Но, если вдуматься въ содержаніе параграфа и анализировать всѣ его частныя мысли, то окажется, что всѣ онѣ тяготеютъ къ одному, указанному въ текстѣ, тезису. Мы не будемъ останавливаться на этомъ анализѣ (это было-бы слишкомъ долго и утомительно) и остановимся лишь на одной мысли,—на связи Тр. Эстетики (ученія о пространствѣ особенно) съ геометрией, такъ какъ эта мысль до нѣкоторой степени стоитъ особнякомъ (настолько особнякомъ, что, по нашему мнѣнію, ее слѣдовало бы отнести изъ „трансцендентальнаго изложенія“ въ метафизическое — въ качествѣ *пятого* тезиса, присоединивъ къ нему конецъ *третьяго*) и при томъ въ общей связи мыслей Канта представляетъ особенную важность. Имено, Кантъ хочетъ обосновать свое, изложенное и разобранное нами выше ученіе о первоначальности и созерцательномъ характерѣ пространства на геометріи, которую всѣ признаютъ за нѣчто прочное и безспорное. Существовать геометрическія аксіомы, — такъ разсуждаетъ Кантъ, —которыя всѣми признаются за непреложныя истины; какъ мы должны мыслить пространство, чтобы понять возможность этихъ аксіомъ? Вотъ вопросъ. Не иначе, отвѣчаетъ Кантъ, какъ именно такъ, какъ это ученіе было изложено выше. Въ самомъ дѣлѣ, геометрія есть наука, „опредѣляющая свойства пространства синтетически и однако а priori“. Чтобы возможны были синтетическія опредѣленія свойствъ пространства, оно должно быть по своему происхожденію созерцаніемъ (нагляднымъ представленіемъ): ибо „изъ понятія нельзя вывести никакихъ положеній, которыя-бы вели дальше этого понятія, что именно, однако, и совершается въ геометріи“. Чтобы геометрія могла устанавливать свои опредѣленія а priori (а только въ такомъ случаѣ геометрическія аксіомы могутъ притязать на общность, т. е. могутъ сопровождаться сознаніемъ ихъ необходимости, какъ наприм. положеніе, что пространство имѣетъ три измѣренія), представленіе пространства такъ-же должно быть априорнымъ, т. е. должно предвѣщать всякое воспріятіе конкретныхъ предметовъ и слѣдовательно — чистымъ, не эмпирическимъ созерцаніемъ (ибо ничто необходимое, аподиктическое, — аксіомы геометріи и заложенное въ ихъ основаніи представленіе пространства, — не можетъ происходить и быть выведено изъ опыта, всегда ограниченнаго и условнаго). Но такими именно чертами т. е. интуитивностью и априорностью и характеризуютъ, какъ мы знаемъ, пространство Кантъ. Слѣдовательно, — какъ бы такъ разсуждаетъ онъ, — *мое ученіе о пространствѣ санкціонировано со стороны самой надежной изъ всѣхъ наукъ, — со стороны геометріи.*

Только что изложенная аргументація Канта на столько солидна, что безъ сомнѣнія она одна, безъ всякихъ другихъ разъясненій и доводовъ, могла бы сообщить устоячивость его ученію о пространствѣ, еслибы она сама выдерживала критику. Но къ сожалѣнію этого сказать далеко нельзя: объ составныхъ мысли изложеннаго аргумента слабы. Во-первыхъ, *синте-*

странство есть „формальное свойство субъекта“, — именно, „форма внѣшняго чувства“ или „субъективное условіе чувственности“; б) пространство есть *только* субъективная

тичность геометрическихъ теоремъ и аксіомъ не только не требуетъ необходимо (какъ то думаетъ Кантъ) *интуитивности* представленія о пространствѣ, но на конкретномъ созерцаніи пространства даже и обоснована быть не можетъ. Во-вторыхъ, для *аподиктичности* (всеобще необходимой достовѣрности) геометрическихъ истинъ отнюдь не достаточно ихъ *апriorности* (независимости отъ опыта), но необходима еще апостеріорная провѣрка (при помощи вспомогательныхъ эмпирическихъ построений).

1. Несостоятельность первой половины аргумента всесторонне и вполне убѣдительно выяснена въ замѣчательномъ трудѣ проф. *М. И. Каринскаго*: „Объ истинахъ самоочевидныхъ“ (вып. 1-й, Спб. 1893 г., §§ 4—8 стр. 16—44). Мы съ своей стороны, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ, совершенно присоединяемся, по этому вопросу, ко взглядамъ нашего почтеннаго и глубокомысленнаго критика и отсылаемъ читателя къ указанному его сочиненію. Здѣсь же ограничимся лишь указаніемъ главныхъ возраженій, которыя онъ оставитъ Кенигсбергскому философу. Мысли первой половины аргумента Канта почтенный критикъ выясняетъ такъ: „для убѣжденія въ такихъ сужденіяхъ, въ которыхъ сказуемое не повторяетъ только того, что неявно мыслится уже въ подлежащемъ, а привноситъ нѣчто новое, необходимо имѣть что либо внѣ этихъ понятій, что оправдывало бы то соединеніе между ними, которое устанавливается сужденіемъ; но при математическихъ сужденіяхъ, такъ же какъ и при опытныхъ это нѣчто можетъ быть только опредѣленнымъ созерцаніемъ т. е. конкретнымъ представленіемъ“, каково и есть по Канту наше знаніе о пространствѣ (стр. 20, *passim*). Такова мысль Канта. Но, во-первыхъ, — возражаетъ критикъ, — созерцаніемъ, которое всегда, по самому существу дѣла, есть конкретный частный случай, а потому и основаніемъ можетъ служить только для *частнаго* сужденія, всеобщей и необходимой истины оправдать нельзя (стр. 24): всеобщее и необходимое получается въ содержаніи мысли лишь по отвлеченіи всего конкретнаго и случайнаго т. е. — въ понятіи, а не въ созерцаніи, чтò сознаетъ и самъ философъ, когда въ другомъ мѣстѣ своей „Критики“ указываетъ на „конструкцію понятій“, какъ на основаніе математики. Во-вторыхъ, именно вслѣдствіе этого, безусловная всеобщность геометрическихъ положеній, которую хочетъ объяснить и обосновать Кантова теорія созерцательной очевидности геометрическихъ опредѣленій пространства, оказывается „простою фикціею“ (36). Въ самомъ дѣлѣ, чтобы оправдать ее (эту всеобщность) Канту необходимо было доказать (чтò, однако, онъ, хотя и предполагаетъ, но не доказываетъ), что созерцаемое вами пространство тождественно съ пространствомъ *вообще* и что, слѣдовательно, пространство вообще (не нами только, но вообще, кѣмъ бы то ни было, какимъ бы то ни было другимъ существомъ созерцаемое пространство) должно имѣть всѣ тѣ свойства и законы, которые мы открываемъ въ *своемъ* созерцаніи свойствъ пространства, такъ чтобы аксіомы нашей геометріи имѣли дѣйствительно всеобщую обязательность.

форма чувственности или нашей чувственной воспримчивости, только форма субъективныхъ явленій знанія, но никакъ не предметовъ самихъ по себѣ, въ ихъ независимомъ отъ насъ существованіи. Разсмотримъ каждый изъ этихъ двухъ моментовъ тезиса въ отдѣльности.

Но какъ могъ Кантъ выполнить это доказательство? Онъ могъ выполнить его только однимъ путемъ,—укажемъ на невозможность инаго пространства, кромѣ нашего, т. е. пространства съ иными свойствами сравнительно съ тѣми, которыя устанавливаетъ Эвклидова геометрія (такое пространство,—пространство такъ называемыхъ „этихъ“ измѣреній, какъ извѣстно, и признавали математики: *Лобачевскій*, *Риманъ*, *Гельмгольцъ* и др.). Но именно для Канта, при его теоріи *созерцательной* очевидности геометрическихъ аксіомъ, невозможна была ссылка на *немыслимость* пространственныхъ построений, *противорѣчащихъ* познаваемымъ нами въ созерцаніи законамъ пространства, такъ какъ эти законы признаются у него не аналитическими (а синтетическими, какъ данные въ созерцаніи) и, слѣдовательно, отрицаніе сказуемаго въ сужденіи, выражающемъ законъ, никогда не можетъ дать противорѣчія. Такимъ образомъ, возможность пространства съ иными измѣреніями и свойствами не исключена у Канта и безусловная всеобщность геометрическихъ аксіомъ не только не доказана, но на почвѣ его философіи и доказана быть не можетъ (33—7). Вслѣдствіе этого Кантъ, въ прямое противорѣчіе съ самимъ собою, въ другихъ отдѣлахъ „Критики“ указываетъ, какъ на послѣднее основаніе математическаго знанія, уже не на *созерцаніе* свойствъ пространства, а на синтетизирующую дѣятельность *разсудка* (43).

2. Перейдемъ ко второму моменту въ аргументѣ Канта,—къ его попыткѣ обосновать аподиктичность геометрическихъ аксіомъ на апіорности созерцанія пространства. Мы назвали выше такое обоснованіе недостаточнымъ и дѣйствительно убѣжденіе въ этой недостаточности выражаетъ ненольно всякій, кто стремится геометрію воображенія провѣрить геометрию воспріятія (т. е. апіорныя геометрическія положенія ихъ апостеріорнымъ построеніемъ, — ихъ реализацію въ опытѣ). Правда, это требованіе для математическихъ истинъ опытной провѣрки иногда переходитъ границы и становится просто забавнымъ (припомнимъ легендарнаго нѣмецкаго алтекари, который, для убѣжденія въ истинности извѣстной теоремы Пифагора о равенствѣ квадрата гипотенузы суммѣ квадратовъ катетовъ, *взвѣшивалъ* вырѣзанные изъ бумаги квадратики гипотенузы и катетовъ!) Но все же только убѣжденіе въ соотвѣтствіи субъективныхъ математическихъ законовъ съ объективными (о чемъ мы узнаемъ изъ опыта, который въ данномъ отношеніи никогда не представляетъ исключеній т. е. случаевъ несовпаденія нашей субъективной геометріи съ законами геометрическихъ отношеній между реальными, находящимися въ реальномъ пространствѣ, предметами), — только это убѣжденіе сообщаетъ построеніямъ геометріи аподиктичность. Гартманъ, въ своемъ цитованномъ выше сочиненіи: *Kritische Grundlegung des Transc. Realismus*, Ss, 131—2, разъясняетъ это взаимоотношеніе двухъ моментовъ, апіорнаго и апостеріорнаго, въ про-

а. Пространство, по Канту, изначально или априорно. Но мы видѣли выше, что „метафизическое изложеніе“ ученія о пространствѣ (приведенные и разобранные нами выше четыре тезиса) не даютъ окончательнаго, категорически яснаго отвѣта на вопросъ о томъ, какъ же, въ концѣ концовъ, мы должны, по Канту, мыслить пространство съ субъективной стороны? Этотъ вопросъ, въ окончательной формѣ, Кантъ ставитъ и рѣшаетъ въ „трансцендентальномъ изло-

цессѣ убѣжденія въ истинности геометрическихъ положеній на одномъ, хорошо подобранномъ, примѣрѣ. Пусть мнѣ показываютъ послѣдовательно одинъ за другимъ (но каждый разъ непременно лишь одинъ) углы какой-то начерченной на бумагѣ фигуры, которой я не вижу въ цѣломъ и которая мнѣ сонсѣмъ не извѣстна. Я изучаю эти части фигуры эмпирически: считаю ихъ три, измѣряю и нахожу, что ихъ сумма равняется 180° или двумъ прямымъ. Отсюда я заключаю, что стороны этой, въ цѣломъ невидимой для меня фигуры, должны образовывать треугольникъ. Открываю фигуру и убѣждаюсь, путемъ прямаго и непосредственнаго воспріятія, что фигура дѣйствительно есть треугольникъ и что, слѣдовательно, мое заключеніе, равно какъ и предложеніе, на которомъ оно основано (теорема), оправдываются эмпирически. Такое согласіе, очевидно, возможно лишь подъ тѣмъ условіемъ, если отношенія между элементами треугольника, данными въ воспріятіи, и элементами, построаемыми въ мысли, аналогичны и правильны т. е. постоянны,—если, говоря вообще,—законы субъективной геометріи управляютъ отношеніями объективныхъ предметовъ, если субъективные (мыслимые) и объективные (воспринимаемые, открывающіеся въ воспріятіи) законы суть аналогичныя формы или модификаціи однихъ и тѣхъ же законовъ сущаго (131—2). Такимъ образомъ, поставленная Кантомъ цѣль т. е. объясненіе и оправданіе аподиктичности геометрическихъ истинъ, какъ видимъ, требовала большаго, сравнительно съ тѣмъ, что находимъ у Канта. Онъ считалъ правильною свою теорію субъективнаго пространства единственно потому, что и геометріи, можетъ быть незамѣтно для самаго себя, придавалъ лишь субъективное значеніе. Геометрическія истины, могутъ быть оправданы въ своемъ достоинствѣ реальныхъ истинъ, выражающихъ дѣйствительныя отношенія вещей, единственно при допущеніи реального пространства, какъ коррелята нашего субъективнаго, чѣмъ бы этотъ коррелятъ ни былъ. Если же мы не признаемъ реального пространства, то геометрическіе законы получаютъ лишь субъективное значеніе и вся математика (геометрія) превратится въ бесплодную игру представленій и отношеній, которымъ ничто не соответствуетъ въ дѣйствительности.

Такимъ образомъ, привлеченіе Кантомъ, для поддержки своего ученія о пространствѣ, геометріи, какъ видимъ, цѣли своей рѣшительно не достигаетъ: ни синтетичность геометрическихъ опредѣленій на интуитивности пространства, ни ихъ аподиктичность—на его априорности обоснованы быть не могутъ.

женіи“ ученія о пространствѣ. Именно, Кантъ здѣсь спрашиваетъ: „какимъ образомъ внѣшнее созерцаніе можетъ находиться въ душѣ, предшествуя самымъ предметамъ и при томъ такъ, что понятіе о послѣднихъ въ немъ можетъ быть опредѣлено а priori?“ — „Очевидно не иначе, — отвѣчаетъ онъ на этотъ вопросъ — какъ въ томъ случаѣ, если оно (внѣшнее созерцаніе) заложено въ субъектѣ, какъ *формальное свойство* его быть аффицируемымъ предметами и чрезъ это получать объ нихъ непосредственное представленіе, т. е. созерцаніе, — слѣдовательно, только какъ *форма внѣшняго чувства* вообще“, „какъ субъективное условіе чувственности, при которомъ только внѣшнее созерцаніе для насъ и возможно. Но такъ какъ теперь рецептивность (воспримчивость субъекта, его свойство быть аффицируемымъ предметами) необходимо предшествуетъ всѣмъ конкретнымъ созерцаніямъ этихъ предметовъ, то легко понять, какъ форма всѣхъ явленій можетъ быть дана въ нашей душѣ прежде всѣхъ дѣйствительныхъ воспріятій, слѣдовательно а priori и какъ можетъ она, будучи чистымъ созерцаніемъ, въ которомъ должны быть опредѣляемы всѣ предметы, до всякаго опыта содержать принципы ихъ отношеній“ ¹⁾.

Итакъ, а prioriное и интуитивное представленіе (или созерцаніе) пространства, на которомъ такъ настаивалъ Кантъ въ своихъ „тезисахъ“, превращается въ „форму“ внѣшняго чувства“, въ простую внѣшнюю *рецептивность* т. е. въ способность воспринимать внѣшнія возбужденія, въ воспримлющую силу! При всемъ своемъ уваженіи къ Канту и при всей своей сдержанности въ отношеніи къ нему, Файгингеръ не могъ не отмѣтить неожиданности этого превращенія. „Оба эти опредѣленія: „форма“ и „внѣшнее чувство“ — говоритъ Файгингеръ, — суть нѣчто новое, появляющееся совершенно неожиданно, нѣчто такое, что мы можемъ принять только потому, что насъ застаютъ въ распахъ, а вовсе

¹⁾ Adickes. 76—7, — *третій* абзацъ изъ „Transeo Erörterung“ и *второй* (6) „Schlüsse“ вмѣстѣ (съ пропусками). Въ обѣихъ этихъ выдержкахъ мы *намыренно* выпускаемъ слова подлинника „bloss“, „nur“ — „только формальное свойство“, „только форма явленій“ и т. д., — чтобы, такимъ образомъ, раздѣльнѣе представить оба момента Кантовской аргументаціи. Объ этомъ „только“ дальше.

не потому, чтобы насъ въ этомъ убѣдили. Въ одинъ мигъ (Im Handumdrehen) апріорное созерцаніе превращается въ апріорную форму рецептивности, между тѣмъ какъ предпосылокъ для этихъ названій: „форма“, „внѣшнее чувство“ „во все не дано“¹⁾... Но оставимъ эту неожиданность въ оборотѣ мыслей Канта и обратимъ вниманіе на тотъ смыслъ, который онъ соединяетъ съ этими терминами, — выяснимъ какъ онъ понимаетъ терминъ: „форма внѣшняго чувства“.

Немногіе термины Канта, безъ сомнѣнія, подвергались такому перетолкованію, какъ его терминъ: „форма“. *Когенъ*, посвятившій въ своемъ ислѣдованіи Кантовой теоріи опыта особую главу его ученію о пространствѣ, какъ формѣ внѣшняго чувства, и вообще, во всемъ сочиненіи своемъ, относящійся къ этому вопросу съ особеннымъ вниманіемъ и тщательностію²⁾, находитъ, что Кантовская „форма“, не будучи ни органомъ, ни силою, ни какимъ-то готовымъ пассивнымъ пріемникомъ идущихъ отвнѣ впечатлѣній (чѣмъ-то въ родѣ пустаго сосуда), ни готовымъ (т. е. наполненнымъ содержаніемъ) конкретнымъ созерцаніемъ, ни многимъ другимъ, за что ее такъ часто неправильно принимали, — въ сущности есть не что иное, какъ „возможность“, въ смыслѣ этого термина, близкомъ къ Лейбнице-Аристотелевскому (хотя и не тождественномъ). „Формой, — говоритъ онъ, — Кантъ называетъ „то, благодаря чему многообразіе явленій можетъ быть упорядочено“ (слова Канта). Слѣдуетъ обратить вниманіе, — дополняетъ комментаторъ, приведя эти слова Канта, — на способъ выраженія. Кантъ не говоритъ: то, что *упорядочиваетъ* многообразное; но: благодаря чему оно можетъ быть упорядочено. Итакъ, *возможность*, чтобы то многообразное, тотъ многообразный матеріалъ, который един-

1) Стр. 326.—Ср., однако, ограниченіе этого отъыва самимъ Файгингеромъ, на стр. 272—3, гдѣ онъ стремится *отчасти* (для даннаго мѣста, а не для всего ученія Канта о пространствѣ) оправдать этотъ переходъ указаніемъ на отношеніе апріорнаго *созерцанія* къ математикѣ чистой, а *формы* созерцанія или внѣшняго чувства—къ *прикладной*.

2) Вслѣдствіе этого, его, раньше цитованное сочиненіе, въ отношеніи къ нашему частному вопросу (о пространствѣ, какъ *формѣ внѣшняго чувства*), можетъ быть рекомендовано предпочтительно въ сравненіи съ комментариемъ Файгингера, не смотря на то, что этотъ послѣдній далеко превосходитъ сочиненіе Канта по объему.

ственно доставляется намъ ощущеніями, созерцался нами въ явленіи, какъ упорядоченный, — эта возможность, это потенциальное отношеніе и называется у Канта формою“ (42). Съ этой точки зрѣнія Кантова „форма внѣшняго чувства“ является уже не столько формою въ собственномъ смыслѣ (ибо, по очень мѣткому и удачному выраженію трудно уловимой мысли Канта, профессоромъ Каринскимъ, форма съ этой точки зрѣнія представляла-бы лишь „чистую, направленную вовнѣ, чуждую всякой опредѣленности, созерцательность“, стр. 42), сколько—психологическій процессъ синтеза многообразныхъ элементовъ пространственной созерцательности, элементовъ, которые разсудку доставляетъ наша воспринимаящая сила (рецептивность). Кантъ высказываетъ совершенно опредѣленно и послѣдовательно проводить (вездѣ почти, кромѣ „Трансцендентальной Эстетики“), что только разсудочный синтезъ даетъ представленіе пространства, какъ нѣчто опредѣленное, такъ что безъ этого синтеза пространство есть нѣчто просто невообразимое, — *Hirngespinnst*¹⁾). Проф. Каринскій совершенно справедливо думаетъ, что, еслибы Кантъ провелъ со всею послѣдовательностію только-что намѣченную мысль, то получилась-бы „величественная концепція“, но которой пространство, его такъ сказать „логическій скелетъ“ оказался-бы сотканнымъ или, точнѣе, *творчески порожденнымъ* синтетическою дѣятельностію разсудка, результатомъ примѣненія синтетизирующихъ формъ разсудка къ неопредѣленнымъ формамъ созерцательности (стр. 41—4). Къ этому можно прибавить, что, даже и въ неопредѣленной формѣ намека, мысль Канта о творческомъ, разсудочно-синтетическомъ построеніи пространства изъ элементовъ неопредѣленной созерцательности или рецептивности, оказалась могучимъ стимуломъ, направлявшимъ философскія изысканія въ области нашего вопроса, и какъ-бы предвосхищеніемъ результатовъ кропотливыхъ современныхъ психо-физиологическихъ изслѣдованій, — особенно въ области вопроса о психологическомъ генезисѣ представленія о пространствѣ (мысль объ образованіи нашего представленія о пространствѣ *синтетическимъ путемъ изъ апостериорныхъ элементовъ, но по апіорному закону или схемъ* глубоко заложена въ современной психологіи, ср. у Вундта,

¹⁾ Ср. у Когена цит. сочиненіе стр. 101, 141, 153, 161, 208—9, 211.

Риля, Ланге и др.). Все это такъ. Но не слѣдуетъ забывать, что этотъ взглядъ Канта на форму, какъ процессъ синтеза, плохо вяжется съ его „Трансцендентальною Эстетикою“, въ которой философъ усиливается охарактеризовать представленіе пространства, какъ что-то *изначала данное въ готовой формѣ*. Ясно, что ученіе о пространствѣ, какъ оно изложено въ названномъ отдѣлѣ Критики, должно быть признано несостоятельнымъ не только потому, что оно не удовлетворяло критиковъ Канта, но и потому, что, повидимому, оно не удовлетворяло и самаго философа, когда онъ сталъ въ вопросѣ на иную высшую точку зрѣнія.

б. Къ сожалѣнію въ своей „Трансцендентальной Эстетикѣ“ Кантъ не только не отрѣшился отъ неправильнаго взгляда на психологическую природу представленія о пространствѣ, — отъ взгляда, по которому это представленіе оказывалось изначала даннымъ въ душѣ въ готовой формѣ т. е. врожденнымъ въ строгомъ и собственномъ смыслѣ этого послѣдняго термина, — но не уберегся и отъ того, конечно, естественнаго и близкаго, но за то совершенно ложнаго вывода, къ которому приводилъ этотъ неправильный, чисто догматическій взглядъ на природу представленія о пространствѣ и его генезисъ. Если пространство дано *въ готовой формѣ*, такъ что для объясненія его генезиса нѣтъ надобности обращаться къ предположенію его объективнаго коррелята, выраженіемъ котораго служило-бы наше представленіе о пространствѣ: то не слѣдуетъ-ли отбросить всякую мысль объ объективности пространства, какъ совершенно излишнюю, и успокоиться на чистой субъективности пространства? Повторяемъ, эта ошибка была близка и Кантъ не уберегся отъ нея. Опредѣляя пространство какъ „форму внѣшняго чувства“, онъ добавилъ маленькое словечко: „только“, которое сообщило всей его мысли совершенно опредѣленный субъективистическій характеръ. „Пространство есть форма явленій внѣшняго чувства, субъективное условіе чувственности, внѣшняго созерцанія“, — *только и больше ничего*. Критика всегда и, безъ сомнѣнія, совершенно основательно возставала противъ законности этого „только“: въ самомъ дѣлѣ, изъ того, что представленіе пространства находится въ насъ, развѣ слѣдуетъ, что внѣ насъ, въ самой дѣйствительности не можетъ находиться

ничего ему соответствующаго? Формально-логическая незаконность этого вывода совершенно очевидна ¹⁾. Какіе-же, однако, мотивы побудили Канта выставить свой тезисъ, вопреки столь очевидной его формально-логической необоснованности? Какіе мотивы и соображенія расположили его дать своей мысли столь рѣшительный наклонъ къ субъективизму, который не обоснованъ его первымъ тезисомъ? Мотивы эти у Канта были и онъ ихъ опредѣленно указываетъ и намъ необходимо ихъ здѣсь взвѣсить. Во-первыхъ, разсуждаетъ Кантъ, пространство не можетъ быть свойствомъ или опредѣленіемъ вещей, ибо свойство не можетъ быть созерцаемо *до и независимо отъ* созерцанія вещей, что однако имѣетъ, по Канту, мѣсто въ созерцаніи пространства. Конечно, выводъ (субъективность пространства—что оно не выражаетъ подлинныхъ свойствъ и опредѣленій вещей или самой дѣйствительности) былъ-бы вѣренъ, еслибы была вѣрна посылка (т. е. что мы созерцаемъ пространство *до, прежде и независимо* отъ созерцанія вещей). Но посылка, какъ мы пытались показать и доказать выше, невѣрна психологически. Далѣе, — разсуждаетъ Кантъ, — если пространство есть продуктъ нашей специально-человѣческой созерцательности, форма нашего внѣшняго чувства; если при этомъ „мы рѣшительно не можемъ судить о созерцаніяхъ другихъ мыслящихъ существъ, связаны-ли они тѣми-же условіями, какія ограничиваютъ наши созерцанія и для насъ имѣютъ всеобщее значеніе“: то, значить, что „только съ точки зрѣнія человѣческой мы можемъ говорить о пространствѣ, о протяженныхъ существахъ и т. д.“. Такимъ образомъ, пространство существуетъ, по Канту, *только для насъ* и (какъ совершенно въ духѣ Канта дополняютъ позднѣйшіе повокантіанцы) для другихъ, *подобно намъ* организованныхъ существъ. Безъ сомнѣнія, если наша или подобная нашей чувственная созерцательность есть необходимое условіе представленія о пространствѣ. Но что-же отсюда слѣдуетъ? Отсюда могутъ быть, конечно, извлекаемы различныя и, можетъ быть, даже важныя выводы (наприм.,

¹⁾ Этотъ вопросъ исчерпанъ въ сочиненіи В. Д. Кудрявцева, который, вслѣдъ за Тренделенбургомъ, видитъ нѣ указанной ошибкѣ главную ошибку „Тр. Эстетикъ“.

что, сложивъ чувственную оболочку мы не будемъ уже представлять пространство и мѣръ какъ величину экстенсивную и намъ внѣшнюю, но будемъ проникать его изнутри), по никакъ не слѣдуетъ выводъ о субъективности пространства: объемъ сужденія опредѣляется подлежащимъ и мы можемъ, на основаніи только что приведенныхъ соображеній, сказать что только люди (и при томъ лишь пока они носятъ тѣлесную оболочку) и другія, обладающія подобной имъ организаціей, существа воспринимаютъ пространство, какъ величину экстенсивную, но никакъ не то, что будто-бы пространство вообще не существуетъ, какъ величина экстенсивная, — не имѣетъ реального или объективнаго значенія. Наконецъ, — послѣднее соображеніе Канта, — такъ какъ пространство существуетъ или дано лишь для нашей чувственности, но не для разума; такъ какъ т. е. „представленіе о пространствѣ ничего не будетъ значить, какъ скоро мы устранимъ субъективное условіе, при которомъ единственно можетъ быть приобрѣтено нами внѣшнее созерпаніе, какъ скоро устранимъ тотъ способъ, какъ мы испытываемъ на себѣ дѣйствіе внѣшнихъ предметовъ“ (наприм., „протяженность приписывается вещамъ только въ той мѣрѣ въ какой онѣ являются намъ т. е. какъ предметамъ чувственности“): то мы можемъ сказать только, что пространство „обнимаетъ всѣ предмты, которые могутъ являться намъ со внѣ, внѣшнимъ образомъ“, но — не вещи сами въ себѣ (т. е. какъ онѣ мыслятся нашимъ разумомъ); что положеніе, по которому всѣ вещи находятся въ пространствѣ рядомъ другъ съ другомъ имѣетъ силу и значеніе только при томъ ограниченіи, если вещи принимаются, какъ предметы нашего чувственнаго созерцанія, какъ „внѣшнія явленія“, такъ что, хотя пространству и можетъ быть усвояема *эмпирическая реальность*, однако, въ тоже время за нимъ должна быть признана *трансцендентальная идеальность* ¹⁾. Таково послѣднее соображеніе

¹⁾ Это важное положеніе Кавтовой философіи, вслѣдствіе крайней искусственности въ формулировкѣ, не разъ давало поводъ къ перетолкованіямъ и вообще представляетъ трудности для пониманія. Въ виду этого мы позволимъ себѣ здѣсь привести, въ сокращенномъ извлеченіи, объясненіе Файгингера къ этому мѣсту. — „Въ эмпирическомъ отношеніи, — пишетъ Файгингеръ, — пространство, по Канту, „объективно реально““, потому что его можно прилагать или относить ко всѣмъ эмпирическимъ предметамъ; потому что эти

Канта въ пользу субъективности пространства. И опять, и въ этомъ соображеніи, взята совершенно вѣрная точка отправления: для внѣшняго чувства и для разума одинъ и

предметы необходимо соотвѣтствуютъ ему и его отношеніямъ; потому что безъ него они даже *суть ничто и совсѣмъ-бы не существовали* (349). Но это *особый видъ реальности*. Въ самомъ дѣлѣ, „можно сказать, что Кантъ ввелъ здѣсь новое понятие реальности,—понятіе относительной реальности въ противоположность абсолютной: отъ послѣдней онъ отказывается, чтобы тѣмъ вѣрнѣе сохранить для насъ первую. Соотвѣтственно этому Кантомъ устанавливается и новое понятіе объ истинѣ, — *понятіе истины относительной*. По аналогіи съ Коперниковою системою это можно выразить такъ: подобно тому, какъ для насъ, какъ для воспринимающихъ существъ, земля покоится, а солнце движется, точно такъ-же и *пространство для насъ, какъ для воспринимающихъ существъ, реально имѣеть, со всѣмъ своимъ содержаніемъ*“, хотя эта реальность и истинность относительны. Для выясненія этой относительности Файгингеръ пользуется сравненіемъ Лотце: какъ событія дѣйствительно *совершаются*, хотя и *не существуютъ*; какъ свѣтъ дѣйствительно свѣтитъ, хотя не существуетъ помимо чувства, которое его ощущаетъ: совершенно такимъ-же образомъ и пространство имѣеть дѣйствительность, хотя и не существуетъ, а только является (350).—Итакъ, выраженіе Канта: „эмпирическая реальность пространства“ имѣеть довольно опредѣленный смыслъ. Труднѣе установить подлинный смыслъ другаго технического выраженія: „трансцендентальная идеальность пространства“, какъ потому, что здѣсь *оба* термина нуждаются въ разъясненіи, такъ и потому что первый употребляется у Канта въ весьма разнообразныхъ значеніяхъ. Что касается термина „идеальность“, то, очевидно, что онъ употребляется здѣсь въ совершенно томъ-же смыслѣ, какъ выраженіе: „существующій только въ нашемъ представленіи“. Трансцендентальною-же эта идеальность называется *въ противоположность* эмпирической реальности: эта послѣдняя приписывается пространству потому, что оно имѣеть значеніе для всѣхъ предметовъ *опыта*; въ соотвѣтствіи съ этимъ тр. идеальность усвоется ему, очевидно, потому, что оно *не имѣеть значенія для вещей трансцендентныхъ* (не подпадающихъ и не могущихъ подпадать опыту), для всей сферы трансцендентнаго, которое противопоставляется эмпирическому, какъ абсолютное относительному, дѣйствительность—явленію или простому представленію, продукту воображенія. Впрочемъ, терминъ „трансцендентальный“ имѣеть у Канта два смысла: 1) иногда онъ означаетъ, какъ только-что разъяснено въ примѣненіи къ пространству,—*относящійся къ предметамъ, какъ они существуютъ сами по себѣ, внѣ отношенія къ нашей чувственности*; 2) иногда-же онъ означаетъ тоже, что апіорный, т. е. *лежащій по сю сторону опыта, не происходящій изъ него*, но въ тоже время *обуславливающій опытъ*. Обыкновенно Кантъ колеблется между обоими этими смыслами но снесеніе параллелей приводитъ Файгингера (и основательно) къ выводу, что первоначальный и подлинный смыслъ термина, въ какомъ именно онъ употребленъ въ нашемъ мѣстѣ,—первый и, только „благодаря

тотъ-же внѣшній предметъ можетъ быть данъ совершенно рѣзличнымъ способомъ (разумъ можетъ взять и разсматривать какой-либо внѣшній предметъ, наприм., дерево съ такой стороны и въ такихъ моментахъ его существованія, что его пространственныя свойства отступятъ на второй планъ, — наприм., со стороны осуществленной имъ идеи, со стороны его внутренняго органическаго принципа); но тѣмъ не менѣе общій выводъ Канта совершенно ошибоченъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ того, что *мы* можемъ смотрѣть на предметъ съ иной высшей точки зрѣнія, а не съ той, съ которой они являются намъ именно какъ внѣшніе, слѣдуетъ-ли, что, какъ внѣшніе, пространственныя, они реально вовсе не существуютъ?

При ознакомленіи съ Кантовскимъ претивоположеніемъ трансцендентальной идеальности пространства его эмпирической реальности, невольно возникаетъ вопросъ: не есть ли тезисъ Канта въ сущности простое обобщеніе и перенесеніе на пространство ходячихъ взглядовъ на чувственныя воспріятія или ощущенія? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и ощущеніямъ мы усваиваемъ реальность въ нашемъ опытѣ (реальность эмпирическую) и разсматриваемъ ихъ какъ что-то идеальное въ отношеніи къ самимъ предметамъ, въ нихъ вовсе несуществующее. Эта параллель дѣйствительно напрашивается и самъ Кантъ, предвидя возможность этого вопроса, пишетъ для разъясненія его особое заключительное замѣчаніе (два послѣдніе абзаца третьяго параграфа), въ ко-

безпечности и небрежности Канта въ отношеніи къ своей терминологіи“ (353), этотъ первоначальный смыслъ термина былъ имъ забытъ и въ параллельныхъ мѣстахъ былъ превращаемъ или неопредѣленно сливаемъ со вторымъ. Такимъ образомъ, смыслъ толкуемаго вами выраженія Канта таковъ: *представленіе пространства, въ примѣненіи къ предметамъ, какъ они существуютъ сами по себѣ, есть чистая идея, которой ничто не соотвѣтствуетъ, чистое „ничто“, такъ что трансцендентальное употребленіе этого представленія совершенно незаконно*; тогда какъ, напротивъ, въ приложеніи къ явленіямъ это представленіе совершенно реально и эмпирическое употребленіе его совершенно законно. Говоря иначе, предметы, по скольку они суть *объекты чувственности*, пространственны; но какъ *объекты разума* внѣпространственны (351—5, *passim*). О многосмысленности и эластичности термина трансцендентальный у Канта см. краткое, неясное и опредѣленное примѣчаніе у Адикеса на стр. 59. Ср. такъ-же его прим. къ нашему мѣсту, стр. 78.

торомъ по его собственнымъ словамъ, хочетъ „предостеречь, чтобы не пришло кому на мысль разъяснять указанную (трансцендентальную) идеальность пространства далеко не подходящими примѣрами“, каковы цвѣта, вкусъ и пр. Недостаточность этихъ примѣровъ для разъясненія тезиса Канта, по его мысли (какъ она выражена въ различныхъ редакціяхъ этого, очевидно, съ большимъ трудомъ и колебаніями формулированнаго имъ замѣчанія ¹⁾), открывается съ двухъ

¹⁾ Редакція предположняго абзаца 3-го § въ *первомъ* и *второмъ* изданіяхъ различается между собою не только по формѣ выраженія, но и по смыслу. Въ первомъ изданіи Кантъ стоитъ на почвѣ Локковского различенія первичныхъ и вторичныхъ свойствъ предметовъ и пространство относитъ къ свойствамъ первичнымъ. Вкусъ вина, цвѣтъ розы, — разсуждаетъ онъ здѣсь, — суть не свойства тѣлъ, но выраженіе свойствъ и особенностей ощущающаго субъекта: для объектовъ эти свойства не необходимы и различаются смотря по различію индивидуумовъ. Но что же для предметовъ необходимо, — что составляетъ неотдѣлимую отъ нихъ ихъ существенную основу? Пространственность. Но только - ли пространственность? Конечно, нѣтъ: непроницаемость, твердость, вѣсъ, словомъ вся ихъ матеріальность, — все это для нихъ, для ихъ бытія, необходимо и существенно и только при этихъ условіяхъ они становятся объектами внѣшнихъ чувствъ. Роза для эмпирическаго разсудка есть не просто пространственная фигура или образъ, но — *физически наполненное* пространство. Вотъ почему Кантъ въ первомъ изданіи указываетъ только на ощущенія вкуса и цвѣта (т. е. на ощущенія вкусовые и зрительныя). Очевидно этими, приведенными для примѣра, ощущеніями онъ хочетъ выдержать различіе между первичными и вторичными свойствами: вкусъ, цвѣтъ и имъ подобныя ощущенія, какъ-то звукъ, теплоту, онъ относитъ къ субъективной сторонѣ предметовъ (свойства вторичныя), а ощущенія непроницаемости, твердости и пр. (вообще всѣ осязательныя) къ объективной. Таковъ смыслъ замѣчанія по первому изданію. Но очевидно, усвоивъ въ немъ Локковскую теорію, Кантъ попалъ съ нею въ двусмысленное положеніе. Въ самомъ дѣлѣ, ставъ на эту почву, онъ долженъ былъ признавать въ объектахъ нѣчто реальное въ собственномъ и строгомъ смыслѣ, на примѣръ, колебаніе зеира или свѣтовыхъ волнъ, какъ реальный процессъ (что онъ дѣйствительно и признаетъ: „цвѣта суть видоизмѣненія чувства зрѣнія, возбуждаемаго свѣтомъ“ т. е. колебаніями *дѣйствительно существующихъ* матеріальныхъ частицъ): первичныя свойства аффицируютъ наши чувства и чрезъ это, рядомъ съ истинными ощущеніями первичныхъ свойствъ, въ насъ возникаютъ неистинныя, чисто субъективныя ощущенія свойствъ вторичныхъ. Итакъ, признавая первичныя свойства, какъ истинное выраженіе реальныхъ вещей и процессовъ, мы тѣмъ самымъ должны признавать и реальность, намъ внѣшнюю въ собственномъ смыслѣ. Но вѣдь всѣ внѣшніе предметы по Канту суть явленія (а не реальность). Такимъ образомъ, предметы и ихъ первичныя свойства получаютъ у Канта какое-то странное, промежуточное положеніе между

сторонъ: съ одной стороны, въ ощущеніяхъ дано *меньше*, чѣмъ въ созерцаніи пространства, съ другой—*больше*. Меньше: ибо ощущенія вкусовъ, запаховъ, цвѣтовъ, тоновъ, и пр.

неизвѣстною намъ дѣйствительностію (вещью въ себѣ) и чисто субъективными (вторичными) свойствами явленій. Положеніе вопроса усложняется до невозможности. Оказывается, что *во-первыхъ*, существуютъ нѣкоторыя неизвѣстныя намъ вещи въ себѣ, которыя аффицируютъ нашу чувственность; *во-вторыхъ*, чрезъ это возникаютъ предметы, какъ явленія (а не реальности въ собственномъ смыслѣ), которые еще разъ аффицируютъ съ своей стороны наши чувства, вслѣдствіе чего, *въ-третьихъ*, мы получаемъ еще разъ предметы, какъ явленія—плюсъ ихъ чисто субъективные (вторичныя) свойства. Такимъ образомъ внѣшніе предметы оказываются разомъ и субъективными явленіями (въ противоположность неизвѣстнымъ вещамъ въ себѣ) и объективными вещами въ себѣ (въ противоположность чувственнымъ, вторичнымъ свойствамъ). Такъ, вкусъ вина не есть его объективное опредѣленіе, даже и въ томъ случаѣ, если мы разсматриваемъ вино, какъ явленіе, а не вещь въ себѣ. Предметы отъ этой точки зрѣнія оказываются чѣмъ-то *полуреальнымъ*: они идеальны (т. е. призрачны) въ отношеніи къ собственной послѣдней реальности; но реальны въ противоположность вкусу, цвѣту и пр. Такая постановка дѣла, очевидно, была слишкомъ сложна, шатка и неясна и вотъ почему Кантъ, во второмъ изданіи, ее измѣняетъ: всѣ ощущенія, — и первичныя и вторичныя онъ, — противопоставляетъ, какъ нѣчто субъективное, пространству, какъ чему-то сравнительно объективному, „такъ какъ оно даетъ возможность познать объектъ и именно a priori“: простыя ощущенія суть нѣчто внутреннее и не даютъ намъ ничего внѣшняго, никакого „внѣ насъ“; только представленіе пространства даетъ намъ возможность превращать эти чисто внутреннія ощущенія во внѣшніе предметы. Такимъ образомъ пѣль, съ которою написаны два послѣднихъ абзаца, теперь, по исправленіи ихъ во-второмъ изданіи, достигнута: объективность представленія о пространствѣ отличена отъ простыхъ чувственныхъ ощущеній и ему усвоено высшее „достоинство“. У пространства и ощущеній есть нѣчто общее—субъективность, но въ предѣлахъ этой субъективности *въ широкомъ смыслѣ* Кантъ дѣлаетъ еще различіе объективности и субъективности въ *тѣсномъ* смыслѣ. Пространство, такимъ образомъ, занимаетъ исключительное мѣсто: оно вмѣстѣ и субъективно и объективно („субъективно-объективно“). Въ сравненіи съ нимъ субъективность ощущеній есть, такъ сказать, субъективность второй степени.—Итакъ, въ концѣ концовъ, *пространство по Канту все же субъективно, хотя и не въ такой степени, какъ ощущенія*. Обращаясь, для сравненія и для иллюстраціи Кантовскаго ученія о пространствѣ къ теоріи первичныхъ и вторичныхъ свойствъ, Файгингеръ устанавливаетъ такую пропорцію: „Какъ по Локковой теоріи чувственныя качества относятся къ эмпирическимъ предметамъ, такъ или подобнымъ-же образомъ, по Кантовской теоріи, представленіе о пространствѣ относится къ трансцендентнымъ (лежащимъ по ту сторону опыта) объектамъ. Или иначе: по Локку, чувственныя свойства и эмпирическіе предметы относятся другъ къ другу, какъ явленіе и вещь въ себѣ; такъ же

совсѣмъ субъективны, такъ что „справедливо считаются не свойствами вещей, но лишь измѣненіями нашего субъекта, которыя у различныхъ людей могутъ быть даже весьма различны“, чего о пространствѣ, представленіе о которомъ у всѣхъ людей одинаково, очевидно, сказать нельзя, вслѣдствіе чего, сравнительно съ субъективностью (т. е. чистою индивидуальностію, индивидуальною измѣнчивостію) ощущеній пространство можетъ быть названо объективнымъ (въ смыслѣ одинаковости у всѣхъ людей или общегодности, а такъ-же въ смыслѣ *необходимаго условія опыта*, нашего эмпирическаго знанія). Но, съ другой стороны, ощущенія содержатъ, по обычному толкованію ихъ наивнымъ сознаниемъ, нѣчто большее, чѣмъ пространство: ибо „въ эмпирическомъ разсудкѣ (т. е. на ступени наивнаго сознанія) то, что первоначально само есть лишь явленіе, наприм., эта роза, имѣетъ значеніе вещи въ себѣ (т. е. значеніе независимо отъ насъ существующаго предмета)“. Смотрѣть на пространство такъ, какъ обычное сознаніе („эмпирической разсудокъ“) смотритъ на ощущенія, съ Кантовской точки зрѣнія, очевидно, никакъ нельзя: „наше трансцендентальное понятіе о явленіяхъ въ пространствѣ, — такъ резюмируетъ свою мысль Кантъ въ концѣ замѣчанія, — есть критическое напоминаніе, что вообще *ничто, созерцаемое въ пространствѣ, не есть вещь сама въ себѣ, равно какъ и пространство не есть форма вещей, которая была-бы свойственна имъ самимъ въ себѣ, но что предметы въ себѣ намъ вовсе неизвѣстны, а то, что мы называемъ внѣшними предметами, есть не что иное, какъ простыя представленія нашей чувственности*, форма которыхъ (представленій) есть пространство, но которыхъ истинный коррелятъ т. е. вещь сама въ себѣ чрезъ нихъ нисколько не познается и познана быть не можетъ“.

или подобнымъ-же образомъ, по Канту, всѣ, находящіяся въ пространствѣ, вещи относятся къ истиннымъ вещамъ, къ вещамъ внѣпространственнымъ“. *Файгингеръ*, стр. 362—5, *passim*. — Не смотря на всѣ усилія Файгингера довести мысль Канта до отчетливой ясности (мы воспроизвели въ этомъ примѣчаніи всѣ существенныя разъясненія Файгингера), очевидно, что и послѣ этихъ разъясненій, она всетаки остается очень трудно уловимой и въ вышей степени эластичной. Уже одно это обстоятельство не можетъ располагать въ ея пользу.

Итакъ, Кантова „Трансцендентальная Эстетика“ не просто оставляетъ насъ въ нерѣшительности относительно реальности пространства и представляемаго въ немъ внѣшняго міра, но прямо обязываетъ насъ признать, что это—нашъ собственный продуктъ, призракъ, хотя какъ выраженный въ одной, у всѣхъ одинаковой, формѣ, *призракъ всеобщій*. Нужно хорошо взвѣсить этотъ скептическій выводъ, правильно извлеченный логикою великаго силлогиста изъ его ученія о пространствѣ, чтобы ясно понять съ чѣмъ собственно мы имѣемъ здѣсь дѣло.

А. Введенскій.
